

и уточняются основные понятия (и соответствующие им термины), относящиеся к древней письменности. В частности, автор рецензируемой книги настаивает на четком и правильном употреблении таких терминов, как *рукопись*, *список*, *памятник* и *текст*. Она подчеркивает, что рукописи, имеющие одно и то же содержание, композицию составных частей и назначение, являются списками (по существу копиями) одного и того же памятника письменности. К сожалению, во многих филологических трудах, написанных как учеными прошлого, так и нашими современниками, нередко наблюдается неразграниченное употребление приведенных терминов. Так, Остромирово евангелие обычно называют «памятником», однако правильно считать, что памятник — в данном случае славянский перевод евангелия, а Остромирово евангелие лишь один из списков этого памятника (конкретный экземпляр его, если применять это современное слово). Эти указания Л. П. Жуковской кажутся нам вполне справедливыми, и мы присоединяемся к ним, с той, однако, оговоркой, что Остромирово евангелие как древнейший русский датированный экземпляр евангельского текста все же заслуживает наименования «памятника письменности».

Л. П. Жуковская с полным основанием подчеркивает необходимость исследователя обращаться к текстологии древних памятников и подходить к каким бы то ни было обобщающим выводам лишь при условии привлечения полных материалов из ряда (по возможности всех) родственных списков одного и того же памятника. При этом выбор списков для изучения может быть целесообразным лишь тогда, когда станет известно место изучаемого списка среди других копий определенного памятника. Отсюда текстологический анализ памятника во всех его сохранившихся списках становится необходимой предпосылкой всякого, даже чисто лингвистического, его изучения, ибо только изучение текстологии памятника может предохранить исследователей от ошибок в лингвистической интерпретации написаний. Именно в этом утверждении мы находим главный исследовательский пафос рецензируемого труда Л. П. Жуковской, после появления в свет которого изучение текстологии памятников древней письменности стало обязательным не только для историков литературы, что для них неопровержимо доказано в работах акад. Д. С. Лихачева и его школы, но и для всех лингвистов, исследующих язык древнерусских письменных памятников.

Далее Л. П. Жуковская останавливает внимание на различиях в древних славянских рукописях при передаче одного и того же текста. Различия эти проявляются не только в орфографии, графике и фонетике отдельных списков, но и в лексике, и в грамматических формах, и в словосочетаниях, как сво-

бодных, так и складывающихся на их основе — устойчивых. Данные наблюдений над текстом неизменно фиксируются в рецензируемой книге в форме таблиц, помогающих читателям наглядно представить себе в условно-графическом изображении то разнообразие, которое поражает в письменной передаче казалось бы по самой своей сущности призванных быть максимально устойчивыми по языку и составу «священных и боговдохновенных» памятников традиционного содержания. Данное обстоятельство, как правильно подчеркнуто в книге, явилось одним из последних того, что древнеславянский литературно-письменный язык, на который были переведены тексты традиционного содержания первоучителями славян еще в IX в., являлся открытой лингвистической системой, свободной для проникновения в нее народно-разговорных элементов живой славянской речи. И в этом коренное отличие и преимущество древнеславянской языковой традиции от письменности средневековых народов Западной Европы (в том числе и западных славян, поляков и чехов), для которых литература на латинском языке была совершенно чуждой, не допускавшей проникновения в тексты, на нем оформленные, никаких проявлений речевой деятельности носителей местных языков. В этом, как правильно замечено в книге Л. П. Жуковской, лежит одна из причин большой вариативности текстов традиционного содержания на древнеславянском языке.

Глава вторая (с. 128—207), по нашему мнению, может быть признана центральной (и по положению и по значительности выводов) пунктом всего исследования. В этой главе рассказывается о языковых различиях в повторяющихся текстах Мстиславова евангелия (1115—1117 гг.). Эта книга представляет собой древнейший список «Полного апракоса», типа книги, очевидно, созданного в Киевской Руси в XI в. «Полный апракос» в отличие от краткого включал в себя евангельские чтения на все дни церковного года, на которые такие чтения были положены уставом. Благодаря этому на страницах одного и того же списка тождественные по содержанию тексты, отнесенные к различным дням подвижного и неподвижного (месяцесловного) календарного цикла, представлены в нескольких вариантах: двух, трех, а отдельные из них даже в пяти.

И ни одна из таких текстологических разновидностей евангельских чтений, оставаясь той же по содержанию, не совпадает с другими по речевому воплощению текста. Становится понятным, почему автор рецензируемого издания (и, на наш взгляд, достаточно обоснованно) признает Мстиславово евангелие памятником именно русского литературного языка, полагая, что появление особого церковнославянского языка, отличающегося от древнерусского, может быть отнесено лишь к XV в.,